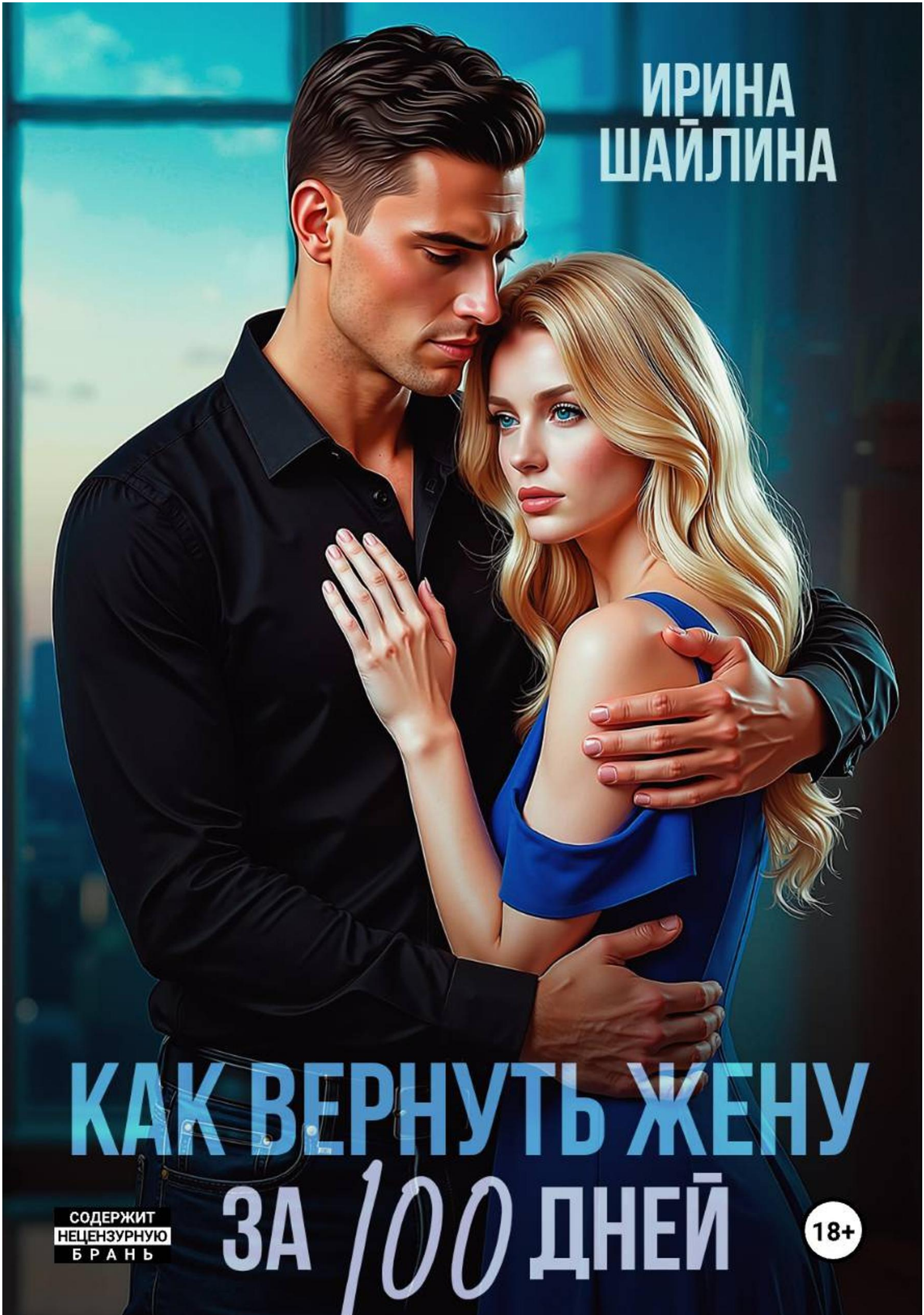

ИРИНА
ШАЙЛИНА
КАК ВЕРНУТЬ ЖЕНУ
ЗА 100 ДНЕЙ
СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ
18+

Ирина Шайлина

Как вернуть жену за 100 дней

«Автор»
2026

Шайлина И.

Как вернуть жену за 100 дней / И. Шайлина — «Автор», 2026

— Женька? — спросил мой бывший муж теряя сознание. — Мерещишься, да?Я не мерещилась. Я была в отчаянии. Семь лет прошло, я сбежала в другой город, и теперь приехав на вызов в составе экипажа скорой увидела раненым его — моего бывшего мужа.Он даже не знает, что у нас родилась дочь! Господи, как все это пережить? Я все так же люблю его, и все так же ненавижу его мать. Я не готова ко второй битве, первую я с треском проигралаНо иногда решаем не мы — иногда просто сама судьба сталкивает нас лбами, чтобы посмотреть, что получится.

© Шайлина И., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Женя 5
Глава 2. Саша 8
Глава 3. Женя 10
Глава 4. Саша 12
Глава 5. Женя 14
Глава 6. Саша 16
Глава 7. Женя 19
Глава 8. Саша 21
Глава 9. Женя 23
Глава 10. Саша 25
Глава 11. Женя 27
Глава 12. Саша 29
Глава 13. Женя 32
Глава 14. Саша 35
Конец ознакомительного фрагмента. 36

Ирина Шайлина
Как вернуть жену за 100 дней

Глава 1. Женя

Я не принимала роды давно. В моем городке, населением чуть больше сотни тысяч человек, роддом был один, все врачебные места строго распределены — элита. Я, переехав сюда, конечно же туда пошла, но меня не взяли. Точнее взяли, но девочкой на побегушках, врач на замену. Мне звонили, когда кто-то уходил в отпуск или на больничный, но такого не случалось уже месяца три-четыре. Трудилась я в гинекологии и пару ночей в неделю подрабатывала на скорой.

А теперь вот — рожает девочка. Прямо в моей скорой. И не довезём, точно не довезём.

— Вить, — крикнула я водителю. — Ну что там?

Связующую артерию, главную дорогу нашего города уже пару недель, как закрыли на ремонт, приходилось ездить в объезд и теперь вот стоим на железнодорожном переезде, а на нем грузовой состав — в обе стороны куда-то в темный ночной горизонт уходит. Стоит себе поезд, никуда не спешит.

— Диспетчеру звонил, сказал минут через двадцать поезд тронется.

— А если через Весенний поехать?

— Ещё больше уйдет, лучше постоим.

Я повернулась к девчонке — глаза, как блюдца, прядка волос ко лбу прилипла, дышит тяжело, живот каменный, схватка пошла.

— Мне страшно, — прошептала она.

Девочка первородка, и рожать бы ей ещё несколько часов, да разве тут предугадаешь?

— Вот уж, нашла из-за чего бояться, — улыбнулась я. — Я же акушер гинеколог. Давай моя хорошая, помогу тебе трусы снять. Не бойся. Витя у нас вообще один раз роды один принимал…такого богатыря родили.

Я болтала почти без остановки — чтобы моя речь звучала успокаивающим фоном. Стянула с девушки насквозь мокрые трусы, удобнее подняла домашний халат, пристроила одноразовые пелёнки. Про раскрытие говорить было уже смешно — уверенно лезла головка, я чувствовала ее, мокрую, покрытую младенческим пушком. Девушка напряглась, но не ко времени.

— Потерпи, — попросила я. — Ещё немножко потерпи…Вить, иди сюда. Вот, теперь давай, тужься!

Роды шли удивительно легко и быстро. Без каких-либо разрывов через пару потуг показалась голова, я чуть помогла плечам — хотелось ускорить процесс чтобы скорее снять с шеи обвившуюся пуповину. Чуть наклонила голову малыша вперед, снимая пуповину и вот он уже вывалился в подготовленную пелёнку. Испуганно раскинул руки, открыл глаза и заморгал, пытаясь понять, почему так холодно, куда он попал.

— Еще один богатырь, — усмехнулся Витя. — В нашу с тобой копилочку. Поздравляю, мамочка, идеальный мальчик!

Я торопливо обтерла ребенка и завернула в пелёнки, и пока передала Вите. Тот дополнительно еще в свою рубашку завернул, пусть только конец августа, но ночи уже холодные. Я помогала девушке, пошел послед, хотя руки чесались взять ребенка, послушать, как кряхтит, слаще звука в мире нет. Поезд загудел, готовясь тронуться и Витька отдал ребенка мне. Мне нужно было отдать его маме, чтобы она налюбовалась вдоволь, но на мгновение я задержала его в руках. Сладко, очень сладко, я до сих пор не могла понять, как этот грязный, кровавый процесс всегда завершается волшебством.

— Какой сморщенный, — усмехнулась мамочка. — По-моему, на свекровь похож.

— Повезло вам со свекровью?

— Ну, как сказать. Сравнивает меня с другой невесткой, но муж мой сразу ей запретил лезть и вмешиваться.

— Значит, точно повезло, — погладила я роженицу по волосам. — Показать, как приложить к груди?

Машина тронулась, значит мне чуда осталось на десять минут. Мы приложили мальчишку к груди и он сразу понял, что нужно делать. Я любовалась ими и думала, что до конца смены ещё несколько часов, а я уже чувствую себя совершенно измученной.

— А у вас есть дети? — спросила девушка.

— Есть, — улыбнулась я. — Дочь. В конце мая шесть лет исполнилось. Звездочка.

— За вторым пора, — выдала счастливая мать.

Я горько усмехнулась — как же. Мы въехали на территорию больничного городка и через несколько минут я передавала счастливую парочку выбежавшим медсестрам и педиатру. Заполнила необходимые бумаги и понадеялась, что смогу попить чаю и отдохнуть, но не тут то было.

— Жень, — позвал Витя, стоило мне сесть. — Потом почаевничаем. Там какие то приезжие не увидели знаков ремонта дороги и слетели, говорят просто пиздец там, все свободные экипажи направляют.

Я бросилась с места. Больница уже бурлила готовясь принять переломанных клиентов, дай бог живых, вызванивали хирурга с выходного, носились медсестры. До места аварии мы донеслись минут за двадцать, а то и меньше. Зеваки уже вытащили раненых из машины, оно и правильно, бензином пахло остро.

Один из парней сидел и громко матерился, оглядывая сломанную ногу, жить будет. Тут же подъехал второй экипаж скорой и полиция. Мы с Витей устремились к мужчине лежавшему молча и неподвижно. Лицо залито кровью.

— Пульс есть, — крикнула я. — Вить, там нога, скорее надо кровь остановить.

Он занялся накладкой жгута, я ввела противошоковый препарат. Дышал парень неважно, с хрипами и сбивчиво.

— Несем, — скомандовал Витя одному из зевак.

Раненого аккуратно перенесли я побежала вперед, чтобы успеть подготовить кислородный баллон. Парня уложили и пристегнули, Витя уже тронулся с места, а я, прислушиваясь к затихающему прерывистому дыханию торопливо омыла лицо от крови, чтобы надеть лицевую маску кислородной подачи. И замерла. Человек, возможно, умирает, а я сижу с этой маской в руках и сама не дышу. Спохватилась, когда у меня от недостатка кислорода в ушах зазвенело, шумно вздохнула и принялась надевать на раненого маску.

В этот момент он открыл глаза. На меня смотри вроде и давно позабытые, но такие знакомые, ореховые глаза моего бывшего мужа. Семь лет его не видела, а тут он просто приехал в мой, богом забытый городок и решил тут разбиться.

— Женька, — прошептал он разбитыми губами. — Мерещишься, да?

И отключился. Я дрожащими руками надела на него маску. Прижала палец к неровно бьющейся жилке пульса — жив. Живой. Помогла Витьке вытолкать каталку в хирургии и на этом моя миссия была окончена. Не думать. Забыть. Не мое дело. Я заполнила и передала бумаги. Наконец выпила чаю, зажевала шоколадкой, не чувствуя вкуса и не думая даже о том, что шестерке пломбу надо обновить, а у меня денег нет, а ведь весь последний месяц я ела шоколад именно с такими виноватыми мыслями.

На рассвете вышла из приемки. Ноги гудят. Воздух прозрачный, пар изо рта, а ведь осень еще и не началась. Срезала себе путь до хирургии через больничный сквер, холодная утренняя

роса промочила штанины. Не мое дело, говорила я себе. Не мое дело. Семь лет его не видела, не хочу видеть еще семьдесят.

— Тук-тук, — заглянула я к дежурной медсестре. — Тот, которого я привезла, живой?

— Живой, — устало ответила она. — Задал нам шороху, кровь переливали, сердце остановилось, но запустили, слава богу. Весь переломанный, но жить должен. Иди, Женечка, отдыхай, смена уже заканчивается.

Я шла на остановку и каждый шаг старыми кроссовками по щербатому асфальту шоркал, отпечатываясь в мыслях — жив, жив, жив…

Глава 2. Саша

Никакого цвета в конце тоннеля не имелось, хотя может именно для меня его не было предусмотрено, ни тоннеля, ни света. Где-то в уголке сознания билась мысль, может, настолько грешен? Вместо всех этих атрибутов имелся туман. Плотный такой, вязкий, непроглядный, оседающий каплями на ресницах и не дающий вдохнуть полной грудью. Ещё в уголке сознания пряталась боль. Она имелась, огромная, необъятная, но не могла пробиться ко мне сквозь туман, поэтому затаилась, коварная, выжидая.

Из самого неожиданного - в тумане блуждала Женька. Поймать я ее не мог, даже чётко уловить образ, но точно знал, она там есть, ну или мерещится мне снова, как бывало мерещилась в прохожих девушках со светлой косой, в драных джинсах…мне казалось, если позвать ее, как можно громче, то она отзовётся, или просто протянет мне руку, а с ней вместе и в тумане чёртовом не страшно.

— Женя! — звал я. — Женя, черт побери!

Мне казалось, я кричу во все горло, но голоса пробивающиеся иногда через туман, чужие голоса, твердили об обратном.

— Бредит, — уверенно говорил один из голосов, женский. — Шепчет что-то, почти не слышно.

— Женьку какую-то зовет, — отвечал второй женский голос.

— Влюблён, наверное, — и тяжкий, драматический вздох.

Влюблён? Смешно. Когда то казалось да, влюблен. Просто как в книжках, до луны и обратно, и так десятки, сотни тысяч раз, бешеный влюблённый хоровод вокруг охреневшей от такого счастья луны. А теперь? А теперь понимается, что это глупости все. Нет любви. Есть человеческие взаимоотношения разного характера. Есть дружба, если ее не идеализировать, не ждать, что будет как в советских романах. Есть секс. Иногда хороший секс, иногда плохой, как повезет. А любовь, так нет ее.

Мой разум блуждая в тумане рассуждал об этом неоднократно, а Женька все мерещилась. Самое забавное, что я почти не помнил ее лица. Не смотрел фотографий все эти годы, поудалял с телефона. Пизжу, несколько осталось, не поднялась рука удалить, Женька там такой счастливой была…но я их все равно не смотрел, просто нравилось, что они есть. Фотографии со свадьбы, дурацкий огромный альбом Женька не забрала. Его я за эти годы не открыл ни разу, но спрятал, чтобы мать не выбросила. Жил так, словно Женьки и не было. А теперь вот вспомнилась, и глаза голубые, и коса светлая, и то как задорно смеялась, а еще прости Господи, как норовила пальцем ткнуть в заднее место, стоило только повернуться и потерять бдительность. И вот зачем спрашивается мне вспоминать об этом было на смертном одре?

Через миллион лет и сотни тысяч жизней туман начал проясняться, забрезжил светом, я подумал — вот оно, то самое! Сейчас вознесусь…куда нибудь…но свет оказался болезненно раздражающим, обжег глаза, когда я невольно, поддавшись импульсу их открыл. Надо мной был потолок. Белый. И запах такой, что сразу понятно, что я в больнице, тут и гадать не надо. Ни ада, ни рая, ни Женьки. Только техника пищит и пить дико хочется, но невозможно сглотнуть даже слюну, потому что трубка в горле. Я захрипел, пытаясь привлечь внимание.

— Ой, очнулся! — воскликнула конопатая, невероятно милая девушка в белом халате. — Сейчас я врача позову!

Примчался врач, тыкал в меня причиняя боль, потом мне вкололи что-то, отправляя обратно в туман, к Женьке. Зато в следующий раз я очнулся уже достаточно чётко понимая, что происходит и без трубки в горле.

— Пить,— прохрипел я.

Попить мне дали. Из трубочки. Каждый глоток давался невероятно сложно и тело болело, казалось во всех местах одновременно.

— Сейчас ночь, — зачем-то сказала конопатая. — Все спят и врач спит. Вы стабильный, не буду его будить.

— Кайф, — снова прохрипел я.

— А что за Женя? Вы ее звали всякий раз, как из вас трубку вытаскивали. Это какая-то трагическая любовь, да?

Я поморщился. Ну, или хотел поморщиться, но не смог.

— Выруби меня обратно, ради бога — попросил я шепотом.

Еще не хватало с конопатой медсестричкой болтать о трагических любовях, когда сил даже жопу почесать нет. А она чешется, эта самая жопа.

— Злой вы, — вздохнула медсестра. — А между прочим, в рубашке родились! Столько переломов, а позвоночник и череп целы. Везунчик и не цените!

Она ворчала что-то еще, причиняя мне еще большую боль, но укол сделала и я уснул. Проснулся уже днем. Провел инвентаризацию — могу шевелить пальцами рук и ног, что уже немало радует. И из реанимации, похоже, перевели — потолок немного другой, на этом трещина есть на краске, там не было. И конопатая ушла, все радость. В палату, опираясь на костыль, вошёл, если так можно сказать, Костик.

— Живой? — спросил он.

— Живой. Остальные?

Голос с трудом продирался через распухшее горло, от находившейся в ней трубки, хотелось кашлять, но кашлять будет больно это я понимал, на животе явно были швы, даже небольшое напряжение приносило боль.

— Я самый здоровый…Кирюха в реанимации, но вроде жить будет. Степа тоже в себя пришел, но пока не особо мобильный, я шустрее.

Я закрыл глаза уже устав, хотя проснулся совсем недавно.

— Мне бы телефон, — подумав сказал я.

— Телефон целый только у Степы. Остальные хрен знает где, может сгорели, с машиной…машина то загорелась, как нас вытащили. Хорошо, что там работяги которые дорогу эту чертову клали, они к нам и побежали. Хотя если бы не они, то мы бы и с дороги не улетели…тут как посмотреть. А что за Женю ты ты звал все время? Медсестрички целую историю любви придумали.

Я вздохнул — и этот туда же. Нафантазировали. Про туман и голоса в нем я бы точно говорить не стал.

— Когда нас на скорой забирали, мне показалось, что я видел бывшую. Вот и удивился, видимо в памяти отпечаталось.

— А бывшая врач?

— Да, но акушер.

— Тогда вряд ли, — загоготал в голос излишне здоровый Костя, я если бы так сейчас заржал, вовсе бы помер. — Из нас четверых вроде никто не на сносях, если только Стёпу подозревать, такой пузан отъел…ладно, пойду я остальных проверю, раз уж я один тут на ногах.

Никакой Женьки не было — мне померещилось. Да и какова вероятность ночью в такой глуши встретить бывшую? Ну нет, смело можно из головы выбрасывать. Я посмотрел наверх, по сторонам мне смотреть было сложно и больно. Там — трещинка на краске. В вспомнилось вдруг, что мы как-то трахались с Женькой так, что спинка кровати билась о стену и спровоцировала падение куска штукатурки аккурат мне на голую задницу. И смешно вдруг стало, даже улыбнулся. Радостно знать, что хоть когда-то, но ты был счастлив. Радостно и грустно.

Глава 3. Женя

Саша пробыл в реанимации три дня. Там мне, по сути, делать нечего. Мое дело маленькое — торчать между женских ляжек, как говорила свекровь, в городской гинекологии, да две ночи в неделю кататься на скорой, иногда принимая роды, иногда спасая бывших, а иной раз все и за одну ночь.

Но ноги тянули. Говорю себе — не стоит. Сплетней достаточно вполне, вся больница бурлит, нечасто у нас, слава Богу, такие аварии приключались. Еще и машина сгоревшая кучу миллионов стоит, откуда у этого инженера деньги бы взялись? Мамочка купила? Помнится, семь лет назад мы съемную квартиру себе не могли позволить.

— Одним глазком, — сказала я себе.

И перед сменой в гинекологии зашла в хирургию, благо у нас в больничном городке все разом и вместе. Поднялась на этаж, переоделась, надела бахилы, маску, постучалась. Медсестра, как назло, незнакомая, город пусть и маленький, но я даже медицинских работников не всех знала.

— Вам кого? — недовольно спросила она.

— Я Женя Трофимова. Со скорой. Можно разок взгляну на парня, которого мы привезли? Впервые в жизни мне достался настолько острый пациент, не отпускает, волнуюсь.

Врала я напропалую — мне просто хотелось его увидеть. Сейчас, пока он погружен в искусственную кому до стабилизации состояния и не сможет меня увидеть. Девушка утомлённо закатила глаза, я положила на стойку заранее приготовленную шоколадку, дорогую, зараза.

— Ладно уж, идите, пока врачей на этаже никого. Только быстро!

Я прошла по коридору до указанной палаты. Там Саша лежал не один, второму досталось еще сильнее, на того я и не глянула. Чужой. Да и Сашка чужой, но я подтащила стул ближе и села. Глаза у него закрыты, но веки подрагивают, словно снится что-то. Цифры на приборах говорят, что стабилен, оглядываю их мельком. Думала коснуться его руки, но мне не хватает решимости.

— Спишь? — глупо спрашиваю я. — Странно было увидеться…и не нужно. Ты выздоравливай, пожалуйста, и уезжай, хорошо? И не возвращайся никогда больше.

Чуть морщится в своем забытьи. Длинная рваная рана на лбу, перетянутая швами от этого движения натягивается. Шрам будет, прямо наискось над глазом, как у пирата. Ничего, сведет.

— Я пойду, — сказала я. — Прощай.

Зачем приходила? Убедилась снова, что совсем чужой, пусть и когда-то родной человек. Все перечеркнуло время. Ненависть и та утихла уже, устав, осталась бесконечная обида, которую никогда не изжить и разочарование. Но смерти я ему не желала. Пусть уезжает.

— Как он? — спросила я проходя мимо медсестры.

— Уже лучше. Дозировки препаратов снижаем, сегодня наверное выведем из комы и завтра переведём из реанимации. Бредит все, зовет кого-то.

— Маму? — усмехнулась я.

Девушка удивлённо вскинула брови.

— Маму? Почему маму? Нет, маму не звал…

— Странно, — пожала плечами я. — До свидания, спасибо.

После смены в гинекологии я успела поспать пару часиков и заступила на скорую. Ночь была обычной, спокойной. Алкаши подрались в заводской общаге, дергали и полицию, и нас. У двух бабулек поднималось давление. Ребенка с температурой отвезли в инфекционку. Все,

как всегда. И утро снова такое ясное, холодное, осевшее на город росой, так и шепчет — осень почти наступила, со дня на день…

Домой я заходила тихонько — чтобы никого не разбудить. В тесной прихожей темно, стянула кроссовки, пошевелила пальцами ног, с удовольствием разминаясь. Зашла на кухню и увидела Владика сидевшего за чашкой растворимого кофе.

— Как ночь? — шепотом спросила я.

— Спала, как убитая. Ты как?

— Устала, но справлюсь.

Владик, когда-то тощий, длинный и умеренно прыщавый подросток сейчас превратился в сильного молодого мужчину. Именно он привез меня в этот город два года назад, ему здесь работу предложили после окончания вуза. Бабушка тогда умерла, мама неожиданно выскочила замуж, я, рядом с ее нечаянным и безграничным счастьем чувствовала себя лишней и ненужной. Он просто сказал — поехали. Он сказал — я тебе помогу, здесь ничего не держит.

И теперь я здесь. Живёт Владик отдельно, но приходит и помогает, ночует, когда я на скорой. Я не справилась бы без него. Не знаю, когда досадливый младший брат стал поддержкой и опорой, но именно так и случилось.

Я помыла руки и прошла в единственную комнату. Катюшка уже ворочалась в постели, время просыпаться. Она знает, когда мама со смены и надо не шуметь, пока та немножко поспит, сначала приготовив завтрак. Катя — лучшее, что со мной случилось в жизни.

— Мам? — сонно протянула она. — Мам, сегодня малыши не рождались?

Я засмеялась — ей очень понравился рассказ про роды в предыдущей смене. Про встречу с ее отцом я конечно же, не сказала.

— Нет, моя хорошая. Но я снова могу рассказать тебе про того малыша.

Катя кивнула. Села на постели, убрала волосы с лица, посмотрела на меня светлыми, ореховыми Сашкиными глазами. Потянулась меня обнять, чуть поморщилась, зацепив пледом аппарат Илизарова на правой ножке.

Я вдруг поняла, что свекровь приедет. Как только узнает про сыночка, сразу сорвётся, удивительно, как ее до сих пор здесь нет. Я знаю, что она жива-здорова, все так же прекрасна и полна сил. Точно приедет. И если узнает про нас, то просто растопчет наш хрупкий и такой счастливый мирок. Сломает мою нежную Катю. Доломает меня. Я просто содрогнулась, представив, пришлось подавить панику усилием воли.

— Кать, — шепнула я ей, помогая встать и заплести волосы в косу. — Давай поиграем в одну игру?

— Какую? — с любопытством спросил ребенок.

— Если тебя кто-то спросит, сколько тебе лет, скажи, что пять, хорошо?

Катя нахмурила светлые брови.

— Глупая какая игра! Мне шесть лет и три месяца, почти четыре! Я читать уже умею!

И обиженно пошла в ванную, чуть прихрамывая на правую ногу, наловчилась уже.

— Покатаю на скорой, — обещала я.

— Хорошо, — тут же согласилась Катя. — Но игра глупая.

Я улыбнулась — Катя всегда меня обезоруживала. А эта ложь с возрастом…пусть будет. Может вообще пронесет, увезет чудо-мама свою корзиночку в более большой город с хорошей клиникой и проблема сама решится.

Глава 4. Саша

Ещё через два дня я в совершенстве овладел искусством управления левой рукой — самой целой. Я мог взять ею бутылку и попить, ею же я чесал все, что чесалось. Адски чесался лоб, зашитая рана уже покрывалась корочкой меня и тянуло ее сковырнуть. На животе и чесалось, и болело, там имелась большая рваная рана. Под гипсом зудело все, мне хотелось поскуливать, как голодному щенку возле миски, от нетерпения и желания почесать все. Правая нога пульсировала и жгла — там у меня открытый перелом. Правая рука в гипсе. Ребра туго затянуты фиксатором, тоже переломы. В общем не жизнь, а сказка.

С тех пор, как меня перевели из реанимации, вокруг забурлила жизнь. Медсестры смеялись на постах. Мужики на костылях сновали покурить, мне тянуло сигаретным дымом в приоткрытое окно и живот, без того раненый, сводило от желания хоть раз затянуться, за последние годы я приобрел эту вредную привычку, от чего сейчас и страдал. Еще и Костик бесил невероятно, он уже ловко передвигался на костылях по всей больнице, флиртовал с медсестрами, то и дело вонял сигаретами вызывая у меня дикие приступы зависти.

— Зоечка, — попросил я. — Зоечка, вы же добрая, я по глазам вижу.

Зоечка, сегодняшняя медсестра весила килограммов сто, но толстой не казалась, так как ростом была за метр восемьдесят, была просто могучей и сильной женщиной из тех самых, что и коня на скаку, и в горящую избу, и мужа сковородкой, если надо.

— Чего тебе, — не очень любезно откликнулась Зоечка, которая ставила укол моему соседу, старому дедку упавшему со стремянки.

— Пусти курить, — попросился я.

Зоя вынула шприц, обработала место укола, выпрямилась и посмотрела на меня нехорошим таким взглядом.

— Так идите, кто вас держит? Курилка на первом этаже за углом.

Я закатил глаза и даже от этого стало больно — засвербел свежий рубец, тянущийся ото лба к виску.

— Зоя, мне же не встать…докатите меня на инвалидной коляске.

Теперь глаза закатила Зоя, моя мучительница.

— Если вы такой прыткий, то скажу вам обезболивающее убавить. Мигом посмирнеете. А курить…как сами дойдете, так и курите.

Я вздохнул и дедок вздохнул — ему тоже курить хотелось и тоже переломался неудачно. Зоечка ушла, зато прихромал воняющий сигаретами Костик.

— Че как? — привычно начал он.

— Курить хочу.

Костик посмотрел на меня с сомнением, видимо прикидывая, как доставить мое бренное тело до курилки.

— Ну, я перетру с санитарами…может и организуют за бутылку. Но только когда эта мегера со смены уйдет, все отделение в страхе держит.

— А меня? — спросил дедок.

— И тебя, — согласился покладистый Костик. — Если договорюсь. И это, Саш, твоя мама до Степы дозвонилась, хрен знает, откуда номер взяла, я сказал, что ты жив и почти здоров, не переживай.

У меня дыхание перехватило и в боку заколoло — только, блять, мамы мне тут не хватало! И одновременно ярость обрушилась — какого хера за меня с моей матерью общаются, причиняя мне дополнительные проблемы? Искусство владения левой рукой сейчас мне здорово пригодилось, я дотянулся до тумбочки, схватил с нее кружку, и размахнувшись, кинул. И что удивительно, попал.

— Какого хера! — заорал Костя размазывая левой же рукой кровь по лбу, правой он удерживал костыль под мышкой. — У тебя что, и мозг в гипсе?

— Иди в жопу, — внезапно успокоившись сказал я.

Мама где вообще? Наверное, не в стране. Прямых перелётов сейчас нет, даже если прилетит, может я к тому времени уже свалю отсюда как нибудь.

В палату влетела Зоя — отлетевшая ото лба кости кружка громко упала на кафель и разбилась.

— Вы чего творите? — уперла она руки в бока. — Даже в таком состоянии решили таки друг друга добить? Сейчас полицию вызову и в кутузку сдам!

Дед заржал, Зоя повернулась к нему и тот благоразумно заткнулся.

— Ты вообще лежачий! — закричала Зоя уже на меня. — Даже помереть нормально не могут! А ты, хромоногий, бегом в травмпункт, пусть тебе лоб зашьют! Два дебила!

Костя со своим костылем послушно попрыгал куда-то по коридору, в травму, наверное, дед снова заржал, Зоя ворча сметала осколки кружки. В открытое окно тянуло близкой уже осенью, а может и наступившей, чёрт знает, сколько я тут уже лежу, сигаретным дымом, а еще…ещё я вдруг услышал отголосок прошлого — Женькин смех. Черт побери, я был уверен, что где-то недалеко на улице Женька и она смеется!

— Зоя, Зоя, — позвал я уходившую медсестру.

Орать я не мог, ребра болели, а после метания снаряда по лбу особенно, но Зоя услышала, заглянула в палату.

— Чего опять?

— Посмотри в окно, пожалуйста…Зоя, с меня шоколадка, посмотри!

— Что я должна увидеть?

Она все же подошла к окну и выглянула наружу.

— Женщина, молодая, светлые волосы… красивая.

— Да у нас таких треть города, — фыркнула Зоя. — Нет тут никого. Медсестры курят, заразы, бабульку на каталке выгуливают, вообще ничего.

Она ушла. Я остался лежать под сонное сопение соседа и все прислушивался, к своей просыпающейся боли, обезболивающее теперь только к ночи вколят, и к тишине за окном, и все думал, померещилось? Мне, конечно, диагностировали сотрясение мозга, но могут ли быть такие вот навязчивые симптомы или где-то в больничном дворике и правда смеялась Женька?

Глава 5. Женя

Я бы не справилась тогда, если бы не бабушка. Старенькая, но безумно упертая волевая, любимая бабулечка приехала за мной, когда я билась в истерике в этом городе, в котором прожила все студенческие годы, таком враждебном теперь.

— Перемелется, мука будет, — гладила меня по волосам она.

— Бабуль, я тут не останусь, — шептала я.

За каждым углом мне мерещились Сашка или свекровь. На дежурства и на лекции не ходила уже больше недели. Кровотечение после принятых и выблеванных таблеток было, но незначительное, и я не понимала, произошел аборт или нет. Идти и просто сдать анализ на хгч я боялась. Они повели меня — за одну руку Светка, за другую бабушка. Сдала анализ и несколько часов просто пялилась в стену, немея от ужаса. А потом телефон пиликнул, пришло сообщение на почту.

— Посмотрите, я боюсь, — трусливо попросила я.

Бабушка долго щурилась, надев толстенные очки, а я все тряслась, тряслась изнутри…

— Ни хрена не видно, — буркнула бабушка. — Развели технологий, то ли дело в мое время…Светлана, хорош намываться, иди почитай уже!

Цифры анализа внушали почтение. Хгч уверенно рос. Я осталась беременной и взяв уже телефон в руки и вглядевшись в колонки цифр я разрыдалась от облегчения. Да, мой брак накрылся медным тазом. Но жизнь — она не окончена. И та маленькая жизнь внутри меня тоже на месте. Я справлюсь.

— До греха довели ребенка, ироды, — ворчала бабка. — Не надо нам таких родственников. Манатки уже собранные, давай поехали, дома рожать будем.

Знаете, какой квест перевестись на втором курсе ординатуры? Я теперь знаю. Если бы не связи бабушки, она со многими именитыми профессорами училась в медицинском, мы бы не вывезли. Она звонила, писала, ездила, уговаривала, ругалась, но перевела меня. В моем родном городе медицинский был не такой большой и крутой, как мой прежний вуз, но он надежно спрятал меня за своими толстыми столетними стенами.

Я вернулась в родной город. Училась. Первые недели остервенело, без остановки бегала сдавать хгч, чтобы убедиться, что он растёт. Потом на узи. Спустила на это дело остаток накоплений, не в силах успокоиться. Но живот рос. Малышка толкалась. Бабушка умилялась, даже мать подобрела, Владик, тогда ещё тощий первокурсник и тот растрогался ожидая племянницу. И она родилась, в самом конце мая, вполне в срок, крепенькая, розовенькая, восхитительная.

— Немного мне не нравится ее правая ножка, — порадовала меня педиатр во время месячного осмотра. — Видите, немного визуально короче? Я вас отправлю на обследование.

Катюшка росла в меру вредным, не в меру обворожительным ребенком. Рано загулила, стала переворачиваться, поползла, затем пошла. Но к году разницу в длине ножек замечала даже я, а я не хирург ортопед, я гинеколог в декрете. К двум годам Катюшке стало неудобно ходить, мы стали пользоваться дорогой ортопедической обувью, правый ботиночек с более толстой подошвой. К пяти годам стало понятно — без операции на обойтись, разница в длине ног, несмотря на обувь вызывала изменения в организме, грозила искривлением спины.

К тому времени бабушки не стало, мама выскочила замуж, провалилась в любовь, а Владик, мой возмужавший младший брат увез меня в чужой город.

Зарабатывала я неплохо, немного помогали брат и мама, аренда здесь копеечная, но все деньги я откладывала на лечение. Операцию мы сделали у лучшего хирурга, ездили в большой город. Туда же раз в месяц ездим на проверку. А здесь ходим показывать и обрабатывать ножку к местному врачу, чтобы не дай бог не было воспалений. Аппарат меня пугал, но здорово

удивляла Катя своей силой воли и стремлением к победе. Я тогда плакала, после операции, отвернувшись, думая что дочка спит. А она…она погладила меня по руке, по матерински так, немного покровительственно.

— Что же ты плачешь? — спросила она. — Мне и не больно почти. Если я могу потерпеть, ты тоже сможешь. Зато потом, как бегать буду, не догонишь…

Я потом плакала ещё сильнее, но ночью и закрывшись в туалете. Винила себя. Может быть те выпитые мной таблетки и есть причина того, что у моей дочери сейчас торчат из ноги железки? Я виновата, я во всем виновата, слабая, глупая, безвольная…

А Катька пошла, как только стало можно. Сначала тихонечко, потом уже тормозить пришлось, чтобы не упала. Мы покупали объёмную одежду и прятали, как могли аппарат за штанинами, да и в садике Катю все любили, не обижали, берегли. Как ее вообще не любить то?

И не смотря ни на что, мы были счастливы. Здесь, в этом городе, в котором мне почти не давали работать по специальности, в городе в котором всего семь автобусных маршрутов, и каждый из них ведет к центральному рынку. В этой тесной однокомнатной квартире с кухней в шесть квадратов. Мы были друг у друга. Нам было спокойно, никто и ничто для сих пор не угрожало нашему спокойствию. Но теперь…теперь все изменилось.

Катька заёрзала у меня под мышкой, устраиваясь поудобнее.

— Устала? — спросила я. — Спать уже пора.

Наступила осень, до включения отопления ещё рано, комнату пытается прогреть, порой потрескивая от натуги, небольшой масляный обогреватель.

— Гулять хочу, — вздохнула дочь. — А дождик.

— Завтра дождя не будет, — поцеловала я ее в макушку. — Завтра пойдем показывать ножку, а сейчас будем пить чай.

Глава 6. Саша

Дни тянулись невыносимо медленно. Единственным развлечением по прежнему было чесать все, до чего я дотягивался левой рукой, разглядывать трещину в потолочной краске, слушать храп соседа и спать самому. Ну, ещё я ругался с Зоей.

— Вот такую клизму поставлю, — разводила она руки в стороны. — Если срать в судно не начнёшь.

— Зоя, я не сру, а какаю, — обижался я. — И вообще, лежа не умею.

Вообще было настолько скучно, что я даже ждал, когда она заглянет, хоть какое то развлечение. Сегодняшний день решил немного отличиться от предыдущих. Царил тихий час. Разговоры, шаги по коридору прекратились и на нашей отделение опустилась сонная тишина. Я не спал, потому что спать уже не мог. Тем более вскоре раздалось знакомое, чуть приглушённое резиновой накладкой цок-цок костыля в коридоре. Скакать на костыле в тихий час мог только Костик.

— Не спишь? — заглянул он.

Если бы мне не больно было, я бы заржал — под глазом у него разлился дополнительный синяк, а на лбу красовалось два стежка.

— Не сплю.

— Прелестно. Вкатывай, Виталик.

Двери открылись и в палату вкатили инвалидное кресло. Катил его дюжий, под два метра, санитар.

— А он точно не откинется? — с сомнением спросил он. — Если мы его туда сюда тягать станем?

Костя устало вздохнул.

— Башка у него целая. Спина тоже. Остальное немного поломано, да, но кости начинают схватываться уже через неделю, а он тут уже десять дней. Считай, живчик, бегать скоро будет. И вообще видишь он в нашем отделении лежит, а не в реанимации. И вообще, тебе бутылка водки обещана.

Виталик счел доводы разумными, какой из них его убедил, уже неважно. Тихонько крякнув он одним движением поднял меня и ловко, сказывались сноровка и годы опыта, усадил в кресло. Я зубы сжал, чтобы не заорать — все это было очень больное, да и тело затекло невероятно, закружилась голова. Дыхание перехватило и перед глазами забегали звёздочки, как в мультиках.

— Ты норм? — заботливо спросил Костя.

— Норм, — проскрипел я.

Желание вырваться из палаты на воздух, закурить, было сильнее инстинкта самосохранения. Меня прокатили по спящему отделению и спустили на лифте вниз. На нашем посту медсестры не было, на первом этаже наша компания никого не заинтересовала.

— Я до скверика больничного докачу, — сказал санитар. — И убегу, меня вызывают. Через полчаса вернусь и увезу обратно.

Солнце, висящее в совершенно чистом, безоблачном небе, слепило. Было достаточно тепло, хотя Костик и замотал меня в одеяло. Скверик представлял собой небольшую аллею с лавочками по обе стороны, несколькими елочками и памятником неизвестно кому в конце. Костик вытащил сигарету из пачки, сунул мне в рот и прикурил. Я затянулся и вновь звезды перед глазами и шум в ушах — десять дней не курил.

— Заебись? — спросил Костя, я кивнул в ответ. — Тогда посиди тут немножко, я тебе пачку и зажигалку положу на гипс, там конопатая на смене, я сбегаю, хорошо? Такая конфетка…в общем, побежал.

И ускакал прочь цокая костылём, оставив меня совершенно одного. Я пожал плечами и затянулся ещё раз, день был прекрасным, тошнить от сигареты меня перестало. Я докурил ее, смог закинуть в урну одной левой, возгордился собой, потом принялся глазеть по сторонам. Костик не шел. Было скучно. Я потянулся за пачкой сигарет лежащей на загипсованной ноге и та, ожидаемо, соскользнула вниз. Наклоняться я пока не мог никак.

— Восхитительно, — со стоном сказал я.

Ещё и болело все. Болело так, что придется уговаривать медсестру сделать еще один укол обезболивающего, а у той только снега зимой и просить. И Костик, блять, не шёл, не шел и его верный оруженосец, и часов никаких нет, чтобы посмотреть, как давно я тут сижу.

— Восхитительно, — повторил я, и для емкости добавил, — блядь.

— Ругаться неприлично, — раздался детский голосок и я вздрогнул от неожиданности.

Повернул голову, а головой вертеть тоже было больно и увидел мелкую, лет пяти белобрысую девочку и косичками. На каждой косичке розовый бантик, все, как полагается. И курточка розовая. Тепло наверное, девочке, а меня вот уже Костино одеяло не очень греет.

— Когда очень больно, то можно, — сказал я.

— Вот уж ерунда, — фыркнула девочка. — Вас мама плохо воспитала.

И пошла мимо меня по аллее до самого конца, уставилась на памятник, шевеля губами принялась читать написанное на табличке. Вредная девочка, тут же решил я. Потом покосился на сигаретную пачку, валявшуюся на асфальте. Попросить, нет?

— Девочка, — все же решился я. — А ты можешь подать мне сигареты? Я не могу наклоняться.

Она обернулась, посмотрела на меня внимательно. Потом медленно подошла. Было в ней что-то неуловимо знакомое, но разобраться я не мог, наверное встречал людей похожего типажа, да и в принципе, все дети похожи, просто эта еще и вредная.

— Курить вредно, — ожидаемо свредничала девочка.

Я вздохнул и решил давить на жалость.

— Но мне очень больно.

Девочка смешно закатила глаза, затем все же наклонилась и положила мне сигареты туда же, на гипс. Ещё и одеялко подоткнула, чтобы голая коленка не мерзла, вредная, но заботливая.

— Спасибо, — вежливо ответил я.

— Пожалуйста, — ответила она.

Отошла от меня и села на лавочку напротив, принялась болтать ногами и смотреть по сторонам. Я затянулся и жизнь вновь стала немного лучше.

— А тебя мама хорошо воспитывает? — от делать нечего спросил я.

— Она у меня вообще самая лучшая, — серьёзно ответила девочка. — И красивая. И умная.

Мне наверное тоже так казалось раньше, в детстве, про себя усмехнулся я, но разочаровать девочку не стал.

— А где же она тогда? Почему ты одна?

— Мы ходили к врачу, а потом маму позвали по делам. Мне надо подождать, а когда я жду маму в больнице, мне можно ходить до памятника и обратно, потому что тут камеры работают и охранник недалеко сидит.

Я давно уловил в девочке что-то неправильное, но понять что, смог только сейчас — ходила она чуть припадая на одну ногу, и на этой ноге у нее была огромная штанина.

— Почему у тебя такие штаны странные? — спросил я.

Вторая сигарета докурена, ни Костика, ни Витали нет, отчего бы не побеседовать? А девочка вдруг задрала штанину и я увидел железный обруч над самой лодыжкой и железные скобы уходящие прямо в кожу. На мгновение, меня замутило, я от своих переломов страдал, а

собрали меня довольно быстро и качественно, одну железку засунули в бедро, и то она внутри, наружу не торчит. А у девочки…на это даже смотреть больно.

— Аппарат Илизарова, — спокойно сказала она. — Он мне ногу растягивает.

— И…давно?

— Несколько месяцев. До зимы снимут, мама специально время подгадала, а то зимнюю одежду будет сложно надевать.

Так буднично между делом рассказала, мне сразу стало стыдно про свои манипуляции болью. И за страдания. Да и вроде не такая уж и вредная она.

— Выздоравливай, — пожелал ей я.

— И вы выздоравливайте, — без улыбки ответила она. — И курить бросайте. И вообще у вас из гипса голая пятка торчит, а настала осень. Совсем себя не бережете.

Все же — вредная. Зацокал костылем Костя, а девочка все смотрела на меня, глаза такие интересные, вроде карие, но светлые.

— Там твою пропажу обнаружили, — запыхавшись выдал он. — Виталя, кати!

Меня скоро покатили в сторону отделения, я подпрыгивал на кочках вместе с коляской и старался не стонать — стоическая девочка подала неплохой пример.

— Лежачих больных таскают! — грохотал над округой голос разъяренной Зои.

Костик испуганно вжал голову в плечи, Виталя ускорился, лихо заходя на поворот, и между елками вдруг на мгновение мелькнула, а затем пропала, одинокая фигурка девочки в розовой куртке.

Глава 7. Женя

Саша уже был в сознании, насколько я знала. Больница поуспокоилась и все потекло своим руслом. Самого тяжёлого отправили в большой город реанимобилем, самый шустрый был звездой всея больничного городка, ни одна симпатичная сотрудница не избежала его внимания, разве только к нам в гинекологию ещё не заглядывал.

Моя смена закончилась, я шла в сторону скверика поглядывая на экран телефона — смена первая, до садика ещё пара часов, успею пройтись по магазинам и быть может даже испечь шарлотку из огромных ароматных осенних яблок, которые мне принесла гостинцем одна из пациенток, баба Таня. Она была завсегдатаем поликлиники больше от скуки, по возрасту являясь идеально здоровой. Я всегда была ей рада, она была мягкой, доброй, да и что греха таить, всегда притаскивала мне то кусок копченого дедом сала, то огурцов, то яблок вот…а мы с Катюшей с удовольствием все это ели.

Я глянула на окна роддома и вздохнула — мне очень хотелось быть там. Скверик я по привычке прошла наискосок, срезая дорогу к воротам и к остановке за ними, когда меня вдруг окликнули, впрочем, я даже не поняла сначала, что меня.

— Красивая! — крикнули вслед мне, я даже не притормозила. — Девушка в кепке!

Кепка на мне и правда имелась, поэтому я чуть помедлив обернулась.

— Вы мне?

На лавочке, вытянув загипсованную ногу сидел герой любовник — тот самый Сашкин товарищ.

— Вам, — расплылся в улыбке раненый Казанова. — Вы точно самая красивая девушка в этом городе.

Я скептически его оглядела — лоб зашитый, под глазом синяк, может и смазлив, но явно не в моем вкусе.

— Я то может и красива, — ответила я. — А вот вы не дотягиваете. До свидания.

Он рассмеялся вслед. Пытался, видимо, встать, но уронил костыль и выругался.

— Зовут тебя как?

— Серафима, — зачем то ответила я.

Он Саши друг, пусть буду Серафимой, тем более этот не в меру шустрый скоро переключится на какую нибудь хорошенькую медсестру.

— Серафима, я женюсь на тебе, зуб даю, — крикнул мне вслед парень.

— Женился уже один, — буркнула я и прибавила шагу.

Скверик остался позади, впереди ворота со шлагбаумом и будкой охранника, оттуда заезжают скорые, затем пройти немного вдоль забора и остановка. Дойти до дома можно было и пешком, но я хотела успеть испечь шарлотку, Катя будет рада.

На парковку, по ту сторону забора, подъехало такси, дверца хлопнула и из машины вышло мое прошлое.

Несколько секунд я растерянно смотрела, как свекровь одёргивает стильный плащ, смотрится в зеркало, поправляя волосы, освежает помаду, ведь даже в больнице у постели переломанного сына нужно выглядеть идеально.

Она была все так же красива — годы ей к лицу, годы ее только красили. Я стояла растерянно глядя на ту, которую ненавидела все эти годы и ноги словно приросли к асфальту, не давая мне сделать и шагу. Свекровь же оглядела здания больницы, судя по всему осталась недовольна увиденным, бросила телефон в сумку и повернулась к воротам.

И тогда…тогда я вдруг ожила. Бежать было бы глупо, я бы не успела, так бы я точно привлекла к себе внимание. Я упала. Прямо на асфальт, неловко ушибив колено. Между мной

и бывшей свекровью теперь была прекраграда из растущего вдоль аллеи и остриженного к осени шиповника. Ненадежно.

Я шустро поползла вперед, не к воротам, там пустое пространство, я поползла назад к скверу, там имелись кусты погуще. Стараясь не думать о том, как выгляжу на камерах, следит ли кто-то сейчас за мониторами, не обращая внимание на боль в коленях и отчаянно надеясь не встретить никого из сотрудников больницы или поликлиники, я доползла до разлапистой ели и влезла под нее.

Здесь пахнет детством. На даче у бабушки мы играли под такой вот елью, строя под тяжелыми лапами домик. Сейчас это тоже мой домик, я в нем прячусь. А свекровь…цок-цок-цок, цок-цок-цок каблуками. Все ближе и ближе. Прошла мимо моей ёлки и казалось, ее сладкие духи пробились через терпкий запах хвои и древесной смолы.

— Наталья Викторовна! — воскликнул ловелас с лавочки. — Вы цветете и пахнете! Моё предложение о замужестве еще в силе, думаю Саше давно нужен новый папа.

— Болтун, — бросила свекровь, и в кои то веки я была с ней согласна. — Отведи меня к сыну.

— Тихий час ещё не закончился, вас не пустят.

— Пустят.

И столько уверенности в голосе, хотя да, пустят, я это понимаю. Все понимают. Стук каблуков удалился и растаял вдали, а я все не решалась вылезти из под ёлки. Когда вылезла наткнулась взглядом на охранника — тот подошёл к ёлке на расстояние нескольких метров и стоял смотрел растерянно, пытаясь понять, что я делаю. Значит, видел мои пируэты и марш броски на четвереньках.

— Эм…Евгения? — спросил он.

— Ключи потеряла, — развела руками я.

Пусть сам гадает , как они могли под ёлкой оказаться, в женщине должна быть загадка. Стряхнула с одежды сухие хвоинки и бегом припустила прочь отсюда, на остановке стоять не решилась, вдруг пока я жду, меня свекровь увидит в окно. Забылась шарлотка, все забылось, я бежала пешком до садика и в голове билось — Катюша, моя Катька, скорее сграбастать в объятия, убедиться, что все с ней в порядке и никогда никому не позволить ее обидеть.

Глава 8. Саша

Мама осмотрела палату, дольше всего задержавшись взглядом на моей любимой трещинке, для нее она являлась символом безоговорочного падения. Языком даже цокнула, сердито, категорично.

— Тебя срочно нужно увозить, — заключила она. — Немедленно.

Я закатил глаза, пусть закатывать их и было больно. Я только сегодня, с прибытием матери понял, что все эти дни, почти две недели, даже включая первые дни в искусственной коме, мне было очень даже комфортно. Даже хорошо, я бы сказал. А уж теперь, когда Виталя за денежку тягает меня к унитазу и обратно два раза в день, жизнь вовсе заиграла красками. Даже Женькин смех под окнами больше не мерещился, хорошо это или плохо. В общем я жил, я не умер, мне было спокойно, я жрать сам научился. А теперь она, моя мама, здесь. И все изменилось в одно мгновение. Раньше, многие многие годы мама приносила покой и уют. Теперь лишь напряжение и смертельную усталость, с ноткой горечи.

— Зачем ты приехала? — устало спросил я.

Болели ребра. Ужасно саднило то бедро, в которое мне вставили штифт. Дозу обезболивающих мне сократили, я полностью вынырнул из тумана, зато больно теперь было, хоть волком вой. Тогда, в моменты максимальной боли, я вспоминал девочку, железо уходящее ей в самую кожу, в кость, и думал — она вредничает, она улыбается, она живёт. Значит и мне грех ныть.

— Ты мой сын, — ответила мама. — Мой долг быть рядом в такие моменты, помогать, защищать тебя.

— От любви тоже?

Мама прекратила мерить шагами палату и недоуменно посмотрела на меня.

— Причем тут это? Ты сам решил расстаться с Кирой, это только твое решение!

Я бы расхохотался, но смеяться теперь, когда обезбаливающего давали так мало, было запрещено.

— Мне насрать на Киру, мама. Она сама лезла в мою постель так, словно там медом намазано, словно у меня хер брильянтовый…

— Фу! — крикнула мама. — Как ты можешь так говорить при матери? Ты совершенно испортился. Уволился с отличной работы, пустился в какие то финансовые авантюры, женщин меняешь, как перчатки…

— У меня была бы одна женщина, мама, — жёстко сказал я. — Но ты решила, что она мне не подходит и сделала все, чтобы нас развести.

Теперь глаза закатила мама. Мы сильно с ней были похожи внешне и узнавать себя в ее чертах и движениях было дико и странно.

— Ты вспомнил, про свою медсестричку? Нашел о ком жалеть…тоже мне, дефицит, даже в этом богом забытом месте таких несколько десятков найдется. Выбрось из головы.

— Нет, мам!

Сейчас, едва не умерев, лежа загипсованный, уничтоженный морально я вдруг понял, что ее, мою хрупкую любимую маму можно не жалеть. Ужасное открытие.

— Да, сынок. Аборт она сделала потому что ты ее не остановил. Если бы она тебе была нужна, вы бы давно сняли квартиру и съехали. Но тебе было тепло и комфортно, значит все произошедшее, это целиком и полностью результат твоих действий. Точнее, бездействия. Я, практически, не причём. Не вали с больной головы на здоровую. Пойду, узнаю, как и когда тебя можно перевозить.

И вышла из палаты целиком и полностью игнорируя мое нежелание куда либо перевозиться. И кружкой в мать не кинуть. И на хуй не послать. Я бы сейчас свернулся клубком, как

когда то в детстве, переживая обиды спрятавшись под одеялом на боку, уткнувшись лбом в колени, но даже этого не мог. Я мог только показывать средний палец левой руки. Сила и мощь.

Я не поверил тогда, семь лет назад, что Женька сделала аборт. Я и беременность ее толком осознать не успел — она просто сообщила, что делает аборт и выпила таблетки. И снова, ненавидя себя, пошёл к Свете на следующий день.

Она открыла сразу, даже в глазок не смотрела. Выглядела уставшей и измученной, в руках ворох каких то тряпок.

— А, герой-любовник, — равнодушно прокомментировала она. — Ты не ко времени.

— Она сделала аборт? — вместо приветствия спросил я.

Светка развернула тряпку, что несла в руках — оказывается, это была скомканная простынь жизнерадостно зеленого цвета. По ее центру красовалось неровное, красно-бурое пятно.

— Кровотечение открылось, — сказала Света. — Женька гинеколог, она знает, что делает. Все окончено.

Меня покачнуло. Она и правда была беременна. Была. А сейчас там, в глубине этой старой тесной квартиры теряет то, что должно было связать нас навеки.

— Я зайду? — отчего то шепотом спросил я.

Я вгляделся вглубь квартиры — бубнит телевизор очередным псевдосмешным сериалом, шумит вода в ванной, закипает чайник. Все так мирно. Сколько вина тут было нами выпито, сколько глупых шуток рассказано…

— А зачем? Саша, она тебя ненавидит. Ненавидит за все то, что проживает сейчас. Ты знаешь, что у многих женщин во время схваток начинается диарея? Женя в туалете, Саш. Она теряет вашего ребенка, дрищет, плачет и ненавидит тебя. Такая вот романтика. Иди в жопу, Саша, и не возвращайся больше.

И я послушно ушел. В ту самую жопу, в которую превратилась моя жизнь. Пил, по-моему, мрачно, молча. Мрачно думал, как все изменить, вернуть, какое должно произойти чудо, чтобы Женя простила и полюбила меня вновь. А потом однажды утром проснулся и обнаружил в своей постели спящую голую Киру и понял, что пути назад и правда больше нет. Больше не простит никогда.

Глава 9. Женя

Сегодня смена у меня была вторая, значит вечером из садика дочку заберет Владик. Я словила максимальную паранойю и уточнила у воспитателей, что забирать Катю имеем право только мы, словно ее уже хотели у меня отнять.

Смена начиналась в два часа дня, время без двадцати, мне бы уже в кабинете быть, а я трусь у кабинета заведующей, ожидая, когда оттуда выйдет скандальная бабуся и нервно поглядывая на часы. Наконец, заведующая освободила.

— Чего тебе, Жень? — спросила она, когда я вошла.

В принципе, она была неплохой теткой. Терпела все мои больничные с ребенком, а у меня их в последние месяцы было немало, но сейчас я чувствовала себя крайне не уверенно.

— Мне бы в отпуск, — заискивающе ответила я. — На пару неделек.

У женщины глаза округлились, от удивления. Я все посчитала — за две недели все мои проблемы должны решиться. Сашка не помирает, даже если мать его не увезет, то выпишут.

— Ты с ума сошла, Трофимова? Дочке на операцию я без проблем дала, понимаю. На днях ее в окошко видела, та пыталась на классиках скакать, значит все хорошо. Какой отпуск? У меня Лариса Никитична в отпуске, Гареева рожает, мне что самой идти ваших пациентов принимать? Мне своего говна хватает, Женя!

Я вздохнула — ожидаемо, но попытаться стоило. И больничный то не возьмешь, я работала в той же поликлинике, что и была прикреплена, сразу заведующей доложат. Увольняться из-за страха встретить бывшего мужа или его мать тоже не с руки, у меня тут вся жизнь построена, лишних денег нет, мне и тех, что в наличии, то не хватает.

— Хорошо, — кивнула я.

Понуро поплелась в своей кабинет до упора принимать беременных. Беременных я любила, правда не без греха, выделяя любимиц, с каждой ладила, но то и дело выглядывала в окно на больничный дворик, пытаясь высмотреть свою врагиню, хотя мои окна на травматологию и хирургию не выходили вообще. Но вот вечером пройти мимо придется.

Темнело осенью рано, даже в сентябре, поэтому после восьми вечера я покинула территорию больничного городка никем не замеченной, а сердце колотилось, как оглашенное. В следующие два дня было так же спокойно, я немного успокоилась. Зачастила в курилку, хотя старалась не курить, подцепила дурную привычку на скорой. В курилке я слушала сплетни, про приезжих больных говорили часто. Никто не уехал, никого не перевели, шустрика на костылях готовили на выписку.

— Мать мегера, — сказала медсестра как раз из травматологии. — Заставила палату поменять, скандалит каждый день, все ей не так.

— А он что? — не удержавшись, спросила я, держа сигарету больше для вида, чем для дела.

— А он в гипсе, — махнула рукой девушка. — Переводиться отказался наотрез, а у мамаши оснований нет, башка то у него работает. На днях попросил Раю придушить его подушкой, та к удивлению, отказалась.

Я усмехнулась. Оба в своем амплуа. Тем не менее, жить я стала немного спокойнее, больше не ползала по кустам и старалась не передвигаться перебежками, я все же дама взрослая, мне уже тридцать стукнуло, у меня на следующий год дочка пойдёт в первый класс. Все обойдётся, решила я. Конечно же, судьба, которая меня баловала и жалела последние дни, внезапно показала мне фигу.

Мы столкнулись с ней лоб в лоб. Я шла на смену, в этот день она снова была второй. Свекровь куда-то с территории больницы. Обе шли уткнувшись в телефоны и увидели друг друга только приблизившись вплотную. Обе подняли взгляды и увидели друг друга одновре-

менно. Свекровь вспыхнула, и с этим нервным румянцем вдруг стало понятно, что она тоже стареет, что ее молодость не вечна. А я с тоской посмотрела на кусты и елочки спасшие меня в прошлый раз — вроде и близко так, и прятаться поздно.

— Приехала, — прошипела сквозь зубы она. — Ты хоть спросила, ждали ли тебя?

— Не спросила, — пожала плечами я.

Свекровь сделала угрожающий шаг навстречу. Львица, защищающая своего львёнка, ни дать, ни взять.

— Не пущу, — сказала свекровь. — Я тебя к нему не пущу.

— Да похер мне, — спокойно ответила я. — На вашего сына.

Я почти не лгала. Почти. Потому что где-то внутри меня, очень глубоко, пряталась та Женька, которую сокрушила впервые испытанная любовь. Которая верила, дурочка, что все будет хорошо. Которая беспокоилась о нём. Но я давно привыкла задвигать эту Женьку в угол и лишать ее права голоса. Эта Женька, мягкая и влюбленная, не имела права на существование, ее слишком легко обидеть, она в состоянии защитить нашу с ней дочку.

— Ага, а сюда ты припёрлась просто случайно? Я тебе не верю, Женя, никогда не верила. И если ты полезешь драться, я дам тебе сдачи.

Я рассмеялась, коротко и зло. И сделала резкий шаг вперед, словно собираясь напасть. Моя выходка сработала — бывшая свекровь испуганно дернулась.

— Надо будет, буду драться, — сказала я. — Уйдите с дороги.

Изначально свекровь шла из больницы, но теперь развернулась и понеслась обратно в отделение, предпринимать все, чтобы я туда не проникла. Я же пожала плечами и отправилась в гинекологию, меня беременяши ждут. Я казалась практически спокойной, а самой хотелось орать и биться головой о кирпичные стены ближайшего здания — спокойная жизнь закончилась.

Глава 10. Саша

Мама скандалила с медсестрой. Я услышал ее крики сквозь сон, вместе с пробуждением вернулась боль и я устало вздохнул — когда это уже закончится.

— Она уже приходила? — ворвалась в палату мама.

Я смотрел в потолок — теперь там даже трещинки не было, а она являлась центром моего досуга. И дедка соседа теперь не было тоже. Меня перевели в другую палату по настоянию матери. И Костика она сюда больше не пускала.

— Кто она? — спросил я.

— Вот и славно, — ответила мама. — Отдыхай.

Вновь скрылась в коридоре. Разговоров с сестринского поста мне почти не слышно, только сердитые возгласы матери и бубнеж Раи в ответ. Мама вновь влетела в палату. Огляделась по сторонам, словно что-то могло измениться на несколько минут, или врага какого искала.

— Под кровать загляни, — посоветовал я.

— Очень смешно, — фыркнула мама. — Надо будет, загляну. Ты все, что у меня есть. Я обязана тебя оберегать.

— От чего?

— От измены. Предательства. Лжи.

— Ты лгала мне почти двадцать лет, мама.

Надо сказать, мой отец уходил медленно и тяжело. За жизнь сражался год, пока болезнь его окончательно не добила. Я был в осознанном возрасте и многое помню. И я всецело доверял матери. Я был ребенком. И тогда, когда отца не стало, и в восемнадцать лет, подписывая протянутые ею документы, тоже.

Мой отец не был олигархом, но мы всегда хорошо жили, он умел распоряжаться деньгами. Заработанное он успешно приумножал. Как выяснилось — очень даже успешно. И после своей смерти оставил многое. Часть просто матери. Часть на оплату образования и покупку квартиры мне. А еще он создал наследственный фонд, я уверен, что посоветовала ему мама. Он сам был достаточно прост и в жизни бы не стал копать так глубоко, а мне ни один, ни два юриста сказали, как все поразительно грамотно сделано.

Папа оставил мне деньги, неплохие такие, очень приятную сумму. Но получить их я мог только по достижении тридцати пяти лет, либо после того, как у меня родится ребенок. До тех пор трастом управляла мама, тоже неплохо кстати, приумножала, заодно управляя мной. Я подавал на нее в суд. Смог отсудить лишь малую часть, остальное мне будет передано согласно воле отца. Либо в тридцать пять, либо когда заведу ребенка и таким образом повзрослею в глазах покойного отца.

— Я не лгала тебе. Мы с отцом долго думали, каким путем отдать тебе деньги, но боялись, что ты попадешь под дурное влияние в юношестве и всего лишишься. Почти так и получилось, я была права.

Дурное влияние это Женя. Которую я любил, завоевал, потерял. А Кира, ебаная шлюха, зато дочь маминой подружки, она вот золотко, пирожочек и сладость-радость. Мне захотелось орать, но орать было больно, обезболивающее давали лишь два раза в день.

— Мне так хочется тебя ненавидеть, — устало сказал я.

Мама придвинула стул к моей постели. Погладила меня по волосам, чистым даже, вчера она помогла мне помыться. По-моему она тащилась от моей беспомощности, воображая меня эдаким младенчиком под сотню килограммов, спасибо, что сиську не совала.

— Все будет хорошо, сынуль. Давай переведёмся, а? В нашем городе я заведующую знаю. На ноги тебя поставят, глазом моргнуть не успеешь. Здесь врач говорит наступать на ногу не раньше, чем через два месяца, а там…

— Никуда не поеду, — я убрал ее руку от своего лица. — Уймись, мам, я останусь здесь.

Она поджала губы. Я понимал, что стоит ей уступить, как я, целиком и полностью окажусь в ее власти, неспособный даже встать, чтобы уйти. В нашем городе она сразу окружит меня своими знакомыми, как паутиной. Кира, блядь, прибежит, с бульоном. Начнёт жалеть, попытается выебать. Знаем, проходили.

— Такой взрослый, а такой глупый, — вздохнула мама. — Я люблю тебя. Все будет хорошо.

Она возилась надо мной ещё час, хотя изначально у нее были запланированы какие то дела. Квохтала, поправляла одеяло, порывалась кормить с ложечки, хотя я прекрасно управлялся левой рукой, уж ложкой в рот попадал точно. Я не понимал причины ее внезапного нервного перевозбуждения и едва дождался, когда она уйдёт, сразу нажав на кнопку вызова медсестры, в платной палате она имелась.

— Чего? — сердито спросила Рая.

Маму мою она ужасно невзлюбила, зато меня теперь жалела, считая жертвой материнской гиперопеки.

— Рая, душа моя, — я включил самую обольстительную из своих улыбок. — А чего это моя родительница так всполошилась?

— Я почем знаю? Ебнутая она у вас, прости Господи. Орала, что охрану поставит в отделение. Чтобы не пускали никого и документы проверяли. А к вам в палату, так и вовсе, через ее труп.

Занимательно, задумался я.

— А кого она испугалась так? Вроде все же спокойно было.

— Орала что-то про шлюх, но я ничего не поняла, у нее спрашивайте, меня лично при звуках ее голоса парализует. Даже в отпуск уйти хотела, не отпустили.

Шлюхи, это неудивительно, для мамы все кроме Киры шлюхи. И если уж мне нужно было родить ребенка, чтобы получить деньги, то ребенок должен быть от Киры, остальные моего царского семени недостойны. И тем не менее, что же ее так взбудоражило?

— Занимательно это все, — пробормотал я. — И с каждым днем все занимательнее.

Поднял было глаза к потолку, выискивая привычную трещинку, не нашел и вздохнул. Ладно, хоть от мамы отдохну, и то радость.

Глава 11. Женя

Я больше не боялась ее. Я ее ненавидела. И если ненависть к Сашке с годами сдулась, уступив обиде и разочарованию, то ненависть к свекрови, напротив, настоялась, как хорошее вино.

Сегодня суббота, выходной днём, но предстояло заступать на скорую ночью. Я немного подремала в обед и была вполне бодра. Катала Катьку на качелях, в стороны скрип-скрип, и скрип этот мягкий, убаюкивающий, и березы уже пожелтели, скоро буду шуршать листьями по дороге на работу…

— Кать, — вдруг сказала я. — Катюшка, я никогда и никому не дам тебя в обиду.

Она посмотрела на меня своими тёплыми глазами неожиданно серьёзно.

— Я знаю, мам.

— Правда? — удивилась я.

У меня была хорошая мама, но ее как будто всегда не было рядом, она была зла, что наш отец ее бросил и словно досадовала, что он смог уйти, а она вот нет. Совесть не позволяет, материнская любовь. И я никогда не чувствовала себя безоговорочно любимой, разве только бабушкой.

— Я тоже буду тебя защищать, — важно сказала она. — Пошли собирать каштаны, я из них поделку в садик сделаю.

Я отвела Катю домой, пришел Владик. На работу шла пешком, и гоняла между пальцами найденный в дальнем уголке кармана гладкий и теплый конский каштан. Я думала. Я считала дни. Скоро это закончится, скоро я смогу жить, как прежде.

Первый вызов поступил сразу же, стоило мне только заступить на смену. Был он снова из заводской общаги — колотое ранение живота. Парень жив, но нервы я себе вытрепала, а ещё вся куртка в крови. По регламенту ее положено сдать на дезинфекцию, но первым же делом я пошла курить. Именно скорая приучила меня к сигаретам, именно на смене рука тянулась к пачке, в обычные дни я не курила, Катюшка даже не знала.

— Серафима-а-а, — раздался голос со стороны травмотологии, и я поморщилась, вспомнив о болтуне и своей лжи.

— Здравствуй, — поздоровалась я, закуривая.

— Жизни спасала, да? — заглянул мне в глаза ловелас Костик.

Выглядел он совершенно бодрым и похорошевшим, и явно в наших стенах задержался.

— Алкаша с того света вытащила.

— Алкаши тоже люди, — кивнул Костик. — Их тоже нужно спасать. Когда мы с дороги слетели, тоже дежурила?

Я затянулась и чуть задержала в себе горький дым. Осень всегда настраивала меня на меланхолию. Пахнет сыростью, не холодно вовсе, скорее чуть промозгло, сквозь теплые штаны чувствуется влажная деревянная лавка.

— Ты был вполне живым, поэтому я увезла твоего друга, который сейчас в гипсе лежит.

Поправочка — своего бывшего мужа.

— А меня выписывают завтра, — вздохнул Костя. — А у меня ещё номера телефона твоего нет.

— Домой поедешь?

Я проигнорировала жирный намек на телефонный номер.

— Если бы…менты замучили, за рулем же я был. Сниму пока номер в гостинице, поживу еще несколько дней. О, слышишь?

Я прислушалась, но ничего кроме редких капель срывающихся с водостока и падающих на асфальт не услышала.

— Чего там?

— Мегера Викторовна. Секси мамочка. Ненавидит меня и преследует, зуб даю. Возможно это неутоленные сексуальные желания, как ни крути, я невероятно привлекателен. Сублимирует влечение в ненависть.

Как будто и правда послышались каблуки, вот же слух у парня.

— А за что ненавидит?

— За то что сына сбил с пути истинного. Мы пять лет назад запустили стартап, сыночка ее уволился с работы, и деньги у мамы отсуженные в бизнес пустил. Она все надеялась, что он обратно приползет, а у нас дело пошло. Ладно, все.

Костя рывком скакнул с лавки на одной ноге, сунул подмышку костыль и дал деру.

— Я тебя ещё подкараулю, красавица, — раздалось откуда-то из кустов, а потом шустрец растворился в сырой темноте.

Сигарета была выкурена уже больше, чем наполовину, и мне бы бежать, ведь свекровь явно меня увидит, но я заставила себя остаться на месте. Ей нужно немного сбавить обороты, у нее явный синдром главного героя, вся земля вокруг нее вертится, по ее субъективному мнению. Каблуки становились все ближе, я с грустью затянулась в последний раз и отправила сигарету в мусорный бак. Там она печально зашипела, упав во что-то мокрое, а я встала, отряхнув штаны. Чему быть, того не миновать. Пара недель и они уедут. Хотя сейчас поймет, что я здесь работаю и увезет сыночку еще раньше.

— Снова ты? — фыркнула свекровь подходя. — Не успокоишься никак? Я предприняла меры, в отделение тебе не проникнуть.

Выглядела она неожиданно уставшей, но мне не было ее жаль. Я вообще никак не могла понять, как меня с ней жизнь стукнула второй раз, зачем.

— Наталья Викторовна, — спокойно попросила я. — Мне на вас насрать. Это вы ворвались в мою жизнь, а не я в вашу. Я бы вас сто лет не видела, честно, и вашу корзиночку тоже.

Я развела руки в стороны, чтобы в свете фонаря стало точно заметно и мою форменную куртку, и кляксы крови на ней. И до свекрови дошло, глаза расширились удивлённо, даже ноздри затрепетали.

— Я его увезу, — жестко сказала она.

— Да на здоровье.

Я повернулась и пошла в сторону станции скорой помощи, мой перерыв заканчивался, нужно было форму сдать в чистку, получить другую и ждать нового вызова. Свекровь я хотела выбросить из головы, как можно скорее.

— Я уволю тебя, поняла? — крикнула она вслед. — Это ты все испортила! Ты испортила мою жизнь, а я испорчу твою!

Я покачала головой, удивляясь тому, сколько же в этом человеке ненависти. Надеюсь, они уедут. Надеюсь, уже очень скоро. Сомневаюсь, что ее желание меня отсюда уволить к чему-то приведет, врачей итак нехватка.

— Наталья Викторовна, — повернулась я. — Видите, эти руки, которые сейчас в чужой крови? Ими я накладывала жгут вашему сыну в ту ночь. Надевала кислородную маску. Пыталась остановить кровотечение от раны на животе. Именно я была в той скорой, которая приехала к Саше на вызов.

И более не оборачиваясь дошла до станции, закрыла за собой дверь и оседа на пол, пытаясь унять скачущее сердцебиение.

Глава 12. Саша

Костик проник ко мне под покровом ночи, когда мама была вынуждена покинуть отделение. Сначала осторожно заглянул в палату, выдохнул убедившись, что враг не на месте, затем уже привычно заскакнул на своём костыле.

— Ушла?

— Ушла, — подтвердил я.

Костик споро подоткнул двери запасным одеялом, распахнул окно и прикурил мне — проживание в платной палате имело бонусы, но я не злоупотреблял, Рая не оценит и люлюй навешает. Поэтому только один раз и строго ночью.

— Мама у тебя зверь, — сказал он.

— Ещё хуже стало, — вздохнул я. — Носится со мной, как с младенцем, мог бы вставать, давно бы в окно вышел.

— Не поможет, второй этаж только. Максимум ещё одним гипсом обзаведёшься, вон левая рука возмутительно целая.

Без левой руки мне было бы ещё хуже, сейчас в ней была сигарета. Я ещё раз затянулся, стряхнул пепел в одноразовый стаканчик наполовину заполненный водой. Прислушался, но отделение спало.

— Хорошо, что ее на ночь выгоняют.

— Ага, я щас видел ее на улице, но сбежал. На врачиху орала.

— Из нашего отделения?

Мне было не особо интересно, мама считала, что заботятся обо мне плохо и скандалила часто.

— Не, со скорой. Орала, что уволит ее. А девчонка стоит, хоть бы что, храбрая. Я давно бы уже кустами убежал.

Я навострил уши — это уже было странно.

— А как зовут девочку то? Не бреши, что не знаешь, ты уже под каждую юбку попытался залезть, одноногий.

— Серафима.

Я не выдержал и заржал, впрочем, стараясь тихо. Сегодня в ночь не Рая, но если спалят с сигаретой, наваляют в любом случае.

— Эх, не так ты бабам нравишься, как думаешь, Костик.

Костя обиженно насупился.

— Думаешь, наебала?

— Ну, если ей не восемьдесят семь…ну или не четыре, учитывая современную моду на старину.

— Все равно меня завтра выписывают, — опечалился Костик.

Я думал не о том. Я складывал то немногое, что прорывалось ко мне через изоляцию устроенную матерью и болью, постарались обе.

— Как она выглядела? — спросил я. — Твоя Серафима.

Костя задумался.

— Ну…блондиночка. Красивая. Такого вот примерно размера, — показал он на свой нос. — Вроде худенькая. Про формы ничего не могу сказать, под ее одеждой хер че угадаешь, хотя мой намётанный взгляд говорит о том, что все там хорошо.

Мне было все равно до анализа форм незнакомки. Я испытал острое желание прямо сейчас, немедленно выглянуть в окно, такое близкое, только руку вытяни, и такое недостижимое из-за тела, закованного в гипс.

— Посмотри, — попросил я друга. — Посмотри в окно прямо сейчас, ее нет там, Серафимы?

Костик явно недоумевал, но к окну попрыгал, послушно покрутил головой, рассматривая ночные виды.

— Нет никого, — заключил он. — Совершенно. Ночь, Саш. Ты точно башкой от удара не поехал?

— Поехал. Сфоткаешь мне ее, свою Серафиму?

— Меня же выписывают завтра. Я планирую надраться в этот же день. Серафима, конечно, поразила меня в самое сердце, но не настолько, чтобы начать ее преследовать.

— Один хер сюда припрешься, — махнул рукой я. — Чего тебе еще делать. Вот и сфоткай.

— Ладно, — согласился Костик. — Если увижу то сфоткаю. Все, у тебя достаточно проветрилось, я окно закрываю, дубак.

Он закрыл оконные створки, подобрал одеяло с пола и бросил его на стул. Выглянул наружу, в полутёмный коридор, высматривая медсестру, спит, или вдруг бдит, может, вызвал кто.

— Кость, — спросил я вдруг. — Как думаешь, если человек однажды уже налажал очень сильно, возможно ли все взять и исправить?

— Все возможно, если сильно верить.

— В господа? — горько усмехнулся я.

— В него, конечно, тоже не помешает, но тут он тебе не поможет. Сам дел наворотил, сам и расхлёбывай. Удачи. Я спать, мне завтра выписываться и в ментовку ещё на прием, это твоя мать от тебя всех гоняет, а моя дома сидит, пирожки жарит.

— Везёт тебе.

Костик бесшумно прикрыл за собой дверь в коридор и я остался один. Сон не шел. Телефон мой так и не нашелся, новый предоставить мне мать отказывалась по совершенно нелепым причинам и я бесился от своей беспомощности. Сейчас бы новости полистал. Или в сотый раз попытался найти Женьку в соцсетях. На меня находило иногда, пару раз в год, хотя казалось, отпустило. Хотелось посмотреть, как и чем она живёт. Стала ли врачом. Вышла ли замуж…

До утра я просто пытался уложить в своей голове невероятное, в то что не получалось верить. Действительно ли Женька здесь, в этом городе и от того мою мать так не по детски плющит? Мерещился мне ее голос или я правда его слышал? Я не знал ответа на эти вопросы. Но хотел узнать, сам не знаю зачем.

— Я договорилась, — впорхнула в палату мама утром, а я только недавно смог забыться сном после обхода и обязательных уколов. — За нами вышлют машину из нашего города. Тут на месте договориться не сможем. Завтра будем уже дома, дорогой.

И улыбнулась, так нежно. А я все пытался понять, когда же мать из лучшего друга вдруг стала врагом и диктатором? Как я умудрился не заметить этого перехода? Может я все же, преувеличиваю, может она и правда желает мне только добра?

— Мам, ты меня слышишь вообще?

— Конечно, — удивилась мама.

— Я тебе несколько дней твержу, что никуда я не поеду. Мое решение не изменилось.

— Ты тяжело ранен, ты не отдаешь отчет в своих действиях.

На меня нахлынула ярость. Короткая, но ослепительная. Такая, что хочется орать и крушить все вокруг. Я не сдержался и трахнул кулаком левой руки по прикроватной тумбе, с нее слетела и разбилась очередная чашка, а боль от удара прокатилась по моим костям до сломанных ребер и вспышкой схлопнулась где-то внутри головы, вынуждая стиснуть зубы, чтобы не застонать.

— Если ты сейчас же не прекратишь настаивать на своем, я через Раю вызову местного психиатра, если надо, то двух, они зафиксируют мою вменяемость и я вызову полицию, и подам на тебя заявление, так как ты ограничиваешь мои права и свободы пользуясь моим безвыходным положением.

Мама отшатнулась, покраснела от ярости, наверное тоже хотела орать и кружки бить. Но она так никогда не делала, моя мудрая и добрая мучительница.

— Ты не посмеешь…

— Посмею.

Она села на стул и заплакала прикрыв лицо ладонями. И мне вновь стало ее жаль. Ведь она была права — из всей семьи остались только я, да она. Но уступить сейчас значит лишиться всей той свободы, за которую я боролся все последние годы. Скатиться в те темные месяцы, когда Женя ушла, когда у меня остались лишь алкоголь, отчаяние и ненавистная Кира.

— Хватит, — сказал я. — Хочешь письками мериться? Мама, у меня сломаны обе ноги. В одной из них стоит железка, все бедро разодрано и сшито заново. У меня сломана правая рука и несколько ребер. У меня рваная рана на лбу и сотрясение мозга. У меня огромная рана живота и мне отрезали кусок селезёнки. Как думаешь, кому сейчас больнее, мама?

Мама обиделась, ушла хлопнув дверью, оставив меня в блаженной тишине одного, размышлять над тем, насколько вероятно невозможное, проваливаясь в зыбкий сон, в котором то точно все получится, стоит только захотеть посильнее.

Глава 13. Женя

Я уже закончила свою смену, первую сегодня, поток беременных и любимых бабулек закончился, я с чувством удовлетворения перебирала карты, разбираясь в назначениях и пытаясь выкроить еще одно направление на анализы. В дверь заглянула Лариса, медсестра соседнего участка.

— Жень, там тебя заведующая зовет, срочно.

Я глянула на сотовый — три пропущенных, конечно на беззвучном, а со стационарного телефона сняла трубку. Сердце екнуло тревожно, но я себя успокоила — может, я просто в роддоме нужна на замену, вот и будем сейчас сидеть кроить график смен, чтобы везде успеть.

Заведующую я застала на ногах, она накидывала пиджак, одновременно набирая сообщение и пытаясь найти что-то в сумке.

— У тебя все хорошо? — участливо спросила она.

Нажаловаться на бывшую свекровь? Бред.

— Нормально.

— А по-моему все говно, Женечка. Пошли к Рашиду Низамовичу, он рвёт и мечет, срочно тебя требует. Я с тобой пойду.

Она у нас бойкая, наша заведующая. И в обиду старается не давать. Рашид Низамович заведует городской станцией скорой помощи и я с ним прекрасно знакома, пусть и на рабочем месте в силу ночных смен вижу его достаточно редко. Мы спустились по лестнице и вышли на улицу. В больничном городке все скученно, все близко и до пункта скорой нам просто обойти два корпуса и котельную. На месте мы были уже через несколько минут, Светлана Алексеевна в кабинет зашла первой, без стука, и поманила меня следом.

— Ты то чего прибежала? — спросил он у моей заведующей.

— Группа поддержки, — хмыкнула она.

— Клушка…Женя, как же ты влипла так?

Я, конечно же, ничего хорошего уже не ждала, но тем не менее, по новой струхнула.

— Объясните мне уже, что случилось!

У меня руки уже тряслись и чего ожидать я не понимала.

— Та самая смена, в конце августа, когда вы полужмуриков заезжих спасали, помнишь?

— Помню.

Как такое забудешь…

— Так вот, пришла мать одного из страдальцев, как раз того самого, что вы с Витей в реанимацию доставили. Сказала, что у него при себе была крупная сумма денег, порядка миллиона. Дама выглядела вполне обеспеченной, это я миллион видел только раз…вернёмся к нашей теме. Деньги исчезли. Витя наедине с раненым не оставался, только ты.

У меня кровь отлила от лица. Прижала пальцы к щекам, а они холодные-холодные…растерянно посмотрела на заведующую — что делать? В то, что свекровь зашла так далеко мне не верилось, но вот же оно, уже происходит…

— Не могла она украсть, — вспылила Светлана Алексеевна, — Она очень хорошая девочка! У нее дочь сложное лечение проходит!

— Вот именно, значит деньги нужны. А тебя послушать, так у тебя все девочки хорошие, тогда почему женская тюрьма полная?

— Моих там нет! — разозлилась Светлана.

— Мои, твои…от того, что они твои, лучше не стали!

Я смотрела то на одного, то на другого.

— Давай думать, что делать, — предложила Светлана.

Рашид Низамович повернулся ко мне. Посмотрел серьезно, глаза тёмные-темные, черные почти.

— Ты же знаешь, что будет, если они заявление напишут? Твоей карьере крышка. В медицину больше не возьмут. Учитывая, какая крупная сумма, ещё и посадят. А дочка у тебя еще маленькая…да ещё и болеет.

Я не выдержала и разрыдалась. Тогда, семь лет назад обещала себе, что из-за свекрови больше плакать никогда не буду, выходит, не сдержала обещание.

— Это моя свекровь, — всхлипнула я. — Бывшая.

Рашид Низамович закатил глаза — дескать, до чего бабские разборки дошли, на новый уровень вышли.

— Понятно, чего ты в отпуск рвалась, — сочувственно покачала головой моя заведующая.

— И понятно почему она согласна не писать заявление если тебя уволят. Но уволят по статье, чтобы в медицину больше не вернулась. По грязной. Но…хотя бы не посадят.

Я училась на врача столько лет не для того, чтобы уступить сейчас! Но и вариантов я никаких не вижу.

— У меня дочь, — тихо сказала я. — Работая в поликлинике и на скорой я могу не содержать. Куда я пойду? Я ничего не умею больше, это моё единственное образование.

Представила, как тяжело придётся Владику. Он итак помогает, а сейчас у него девушка появилась, я так радовалась…

— Вы с мужем как расстались? Вдруг спросила Светлана. — Он тебя так же ненавидит, как свекровь?

Я задумалась, но копать так глубоко в прошлое было больно. Покачала головой.

— Не знаю, мы столько лет не виделись.

— А дочь?

— Она не от него, — быстро вставила я. — Для себя родила.

Это правда — рожала я Катю именно для себя, но для кого больше. Для самой Кати. Для счастья. Для любви. А в той семейке одна лишь грязь.

— У тебя единственный выход, — заключила заведующая. — Поговори с мужем. Он в сознании. Вдруг он вообще не в курсе самодеятельности матери. Без него она заявление подать не сможет.

У меня в голове зашумело, словно алкоголя перебрала, а ведь я не напивалась столько лет…

— Эта чокнутая охрану поставила, — хмыкнул Рашид Низамович. — Договорилась с больницей и двумя бывшими ментами. Один даже из запоя вышел ради такого дела. Караулят теперь посменно вход в отделение, им оттуда и лифт видно, и лестницы. Видимо предписание, бывших не впускать.

Я просто молчала — слишком много всего произошло. Я не готова была к встрече с Сашей, я его в коме то навестила не без трепета. А тут живой, в сознании. Взрослый чужой мужик.

— Так там же эвакуационная лестница, — подала голос Светлана Алексеевна. — Как раз в торце коридора, возле платных палат. Она, конечно, закрыта, но что мы ключей не найдем? Главное, втихаря, вдруг эта мама года там всю больницу подкупила.

Все решилось за меня. Идти мне предстояло этой же ночью. Лучше с Сашей поговорить, чем в тюрьме сидеть, успокоила себя я, хотя спокойнее не стало, а от того что за окном резвится бабье лето, когда у меня жизнь рушится, стало еще грустнее.

— Я тогда водки бахну, — сказала я. — Перед тем, как идти.

— К вечеру спишемся, — закруглила разговор Светлана. — Я к тому времени ключи от черной лестницы раздобуду.

На том и порешили.

Глава 14. Саша

В месяцы депрессии, когда я потерял Женьку и много пил меня часто мучили сонные параличи. Настолько, что я уверовать был готов, лишь бы они меня больше не посещали. Потом потихоньку сошли на нет, и вот уже здесь, в отдельной палате, выбитой мне матерью, без храпа дедка на соседней кровати, они вернулись. Иногда просто темным пятном на потолке, которое смотрело на меня, давило. Иногда, и это еще хуже, сонный паралич являлся ко мне в образе матери. Она молча стояла в углу палаты и я понимал, что там внутри уже давно не моя мама и во сне, даже понимая, что это сон я не мог отвести от нее взгляд даже на мгновение, ведь был уверен — стоит мне хоть моргнуть, как она сделает шаг ко мне. Сны были мучительны и после них я долго приходил в себя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.